

## КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316.485.6

### Факторы конструирования риск-рефлексий: конфликтные грани размежеваний\*

*А. В. Алейников, А. Н. Сунами*

Санкт-Петербургский государственный университет,  
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

**Для цитирования:** *Алейников А. В., Сунами А. Н.* Факторы конструирования риск-рефлексий: конфликтные грани размежеваний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 3. С. 382–396. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.310>

В статье исследуется проблема конструирования риск-рефлексий, в основе которой лежит интерпретация рисков и угроз в целях легитимации социального порядка. Авторами анализируется «кливажный» характер (в терминологии Липсета — Роккана) последствий такого конструирования. Используя «психометрический парадигму» Пола Словича, теорию социокультурной жизнеспособности Аарона Вилдавски и Карла Дейка, «модель ожидаемой полезности» Пола Шумейкера, теорию перспектив Амоса Тверски и Даниэла Канемана, концепцию «когнитивного шума» Винсента Ковелло, теорию Мэри Дуглас об основных типах риск-культур, авторы приходят к выводу, что при всем эвристическом потенциале данных подходов, моделирование вероятных риск-рефлексий невозможно без анализа таких переменных, как актуальная политическая повестка, формальные и неформальные практики интерпретации опасностей и угроз, сложившиеся в публичном политическом дискурсе, а также политическое целеполагание и замыслы правящих кругов. Эти переменные могут ослаблять/усиливать, смещать/подменять риск-рефлексию, что критически значимо для идентификации ключевых социальных размежеваний («кливажей») между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами». В этом контексте особое внимание уделяется «управленческим» провалам в политическом риск-менеджменте, жертвой которых зачастую становится все общество, а не только непосредственно те, кто изначально номинировались в качестве потребителей данного риска. На основе выделенных структурных, акторно ориентированных и институциональных факторов принятия риск-решений и коррелирующих с ними стратегий программирования риск-рефлексий доминирующими риск-производителями авторы приходят к выводу, что ошибки в конструировании

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом».

риск-рефлексий приводят к формированию у наиболее уязвимых групп населения риск-аномии, т. е. состояния противоположного риск-солидарности.

*Ключевые слова:* риск, риск-рефлексия, теории риска, конфликт, кливаж, политический риск-менеджмент, риск-аномия, риск-солидарность.

Актуальность и высокий уровень разрыва между продуцированием социальных практик, которые принято номинировать рисковыми, и инструментами критической интерпретации угроз и опасностей, «кливажный» характер вызываемых ими последствий, социальных технологий конструирования риск-рефлексий занимают не последнее место в моделях легитимации современного политического порядка.

Исследовательские стратегии изучения конфликтов интерпретаций социальными и политическими акторами рисков, представлений, установок и суждений о них проблематизируют вопросы теоретико-методологических оснований выявления взаимосвязи политического процесса и рефлексивного управления рисками.

Мастерские теоретиков общества, отмечает Готтхард Бехманн (Gotthard Bchmann), «наконец открыли для себя проблематику риска как базу теории общества, основывающей свою рефлексию на определенных структурных признаках существующего общества, которые детерминируют формы его движения, самоинтерпретацию (идеологию) и конфликты». Исследователь артикулирует, что «современные общества осовременивают свое будущее в качестве риска и тем самым находят собственный специфический способ обращения с неопределенностью, что отличает их от всех предшествующих обществ... понятие риска в последнее время сделало головокружительную карьеру в области социальной теории» [1, с. 75–77].

Следует тем не менее заметить, что восприятие риска, как и его легитимация, преодолевая психологизм, отражает тот или иной характер распределения ресурсов и статусов и все больше обретает характер социальных проблем.

Даниэль Канеман (Daniel Kahneman) и Амос Тверски (Amos Tversky) справедливо отмечают, что «ясно думать о риске весьма трудно. Но, к сожалению, необходимо. Риск наполняет наши газеты и наши мысли. И поскольку управление рисками жизненно важно для благополучия всех, граждане в настоящее время отстаивают свое право играть активную роль в процессе принятия решений. В результате «производители риска» сталкиваются с растущим давлением и требованиями информирования людей о рисках, с которыми они могут встретиться» [2].

Почему социальные и политические субъекты в «обществе риска» идут на риск для реализации своих планов? Для удовлетворения интересов и утверждения собственного Я? В надежде случайно сорвать политический куш, размеры которого превысят затраченные ресурсы? Или, наоборот, рисковое поведение позволяет избежать большей опасности, получить большую прибыль, сохранив при этом достигнутый социальный и политический статус? Может ли в основе рискового поведения лежать стратегия причинения наибольшего вреда и создания трудностей для оппонентов и противников, чтобы принудить их отказаться от реализации своих замыслов? Внести сумятицу и дополнительную неопределенность и непредсказуемость в систему конфликтных взаимодействий, чтобы получить дополнительные «дивиденды» в условиях противодействия, сохранив при этом собственную устойчивость [3]? Представленные в современной литературе попытки решения обо-

значенных вопросов имеют множество измерений и, как правило, «переключаются с риска на социальную адекватность или прибегают к практическому разуму... что заканчивается провалом “оценки риска”» [4, с. 76].

В этой концептуальной оптике многоликие формы современного политического практико-ориентированного риск-менеджмента расставляют соответствующие акценты, в которых обычно преобладает уклон на устранение и минимизацию подверженности рискам, сужая тем самым область управления ими до снижения и хеджирования.

Эта тенденция весьма рельефно проявилась в многочисленных работах, в которых, исходя из оценки «стоимости риска», его прежде всего ассоциируют с негативными последствиями. При таком прочтении, используя блестящую метафору Николая Грякалова, риск «успешно уклоняется не только от стремящихся контролировать его проявления социальных практик, но и от аналитических конверсий политологического или социологического толка» [5].

Особенностью аналитического подхода Юрия Рягина, который разделяют авторы данной статьи, является понимание риска как осознанного шанса на выигрыш и одновременно невоплощения в жизнь поставленной цели. При этом итоговой характеристикой риска является «сумма ожидаемого благополучного исхода, промежуточных неудач, а также нежелательного проигрыша». Вклад исследователя в прояснение аспектов теоретической дискуссии о феномене риска определяется прежде всего содержащимся в его работе основательным анализом риска как права выбора, который неразрывно связан с процессом принятия решений [6].

Весьма продуктивными стали усилия по разработке факторов, оказывающих влияние на сужение функций и содержания политического риск-менеджмента и технологии влияния на формирование риск-рефлексий.

Опираясь на исследования Асвата Дамодарана (Aswath Damodaran), данные факторы можно классифицировать на структурные, акторно-ориентированные и институциональные [7]. При этом структурные факторы связаны с хеджированием рисков конфликтов «ограниченности ресурсов», определяющих социальную базу политического воспроизводства [8]. И поскольку эти ресурсы приносят высокую прибыль тем, кто их приватизирует и реализует специальные действия, ведущие к изоляции основной массы от доступа к ним, они являются ядром монополено структурированной системы управления рисками. В этом плане нельзя не обратить внимания на тот очевидный факт, что характер распределения благ и статусов замыкается на механизмах управления рисками, которое является критически важным дефицитным ресурсом. Следовательно, когда какая-то социальная группа овладевает монополией на данный ресурс, *можно говорить о ренте риска* как вознаграждении за нахождение на вершине социальной иерархии управления риском (подход Дугласа Норта (Douglass North) с соавторами) [9] или как материальных и иных благ, «которые получают индивиды, социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре» (подход Леонида Фишмана с соавторами) [10], важнейшей функцией которой является, в том числе, управление рисками.

Используя методологию подхода Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu) к анализу социального поля как многомерного пространства, можно предположить, что интервенции в политические проблемы в контексте разного восприятия людьми рисков

и угроз определяют «наличную или потенциальную власть в различных полях и доступность специфических прибылей, которые она дает» [11, с. 58].

Эффекты структурных факторов характеристик могут оказаться весьма непредвиденными. Так, в процессе анализа хеджирования рисков, связанных с конфликтами «ограниченности ресурсов», уместно обратиться и к специфике управления рисками коррупции, различные версии которого широко представлены в работах современных исследователей.

Мы же обратим внимание на работу Балинта Мадьяра (Bálint Magyar), который рассматривает эволюцию классического мира коррупции. На третьем этапе этого пути государство хеджируется от коррупционных рисков и конструирует риск-рефлексии как инструмент управления политической повесткой путем борьбы не с коррупцией как таковой, а с неразрешенной, партизанской коррупцией, создания в области коррупции единого субординационного порядка и установления государственной монополии на коррупционную деятельность [12].

В то же время признание подобных управленческих практик создает особую аналитическую призму рассмотрения ренты рисков и риск-рефлексий. Как подчеркивает Леся Васильева, «для того чтобы институционализироваться, возможность извлечения социальной ренты в обязательном порядке опирается как на отношения господства с применением санкций. В обязательном порядке здесь присутствует идеология как навязывание определенного видения мира, позволяющего упрочить и институционализировать новые отношения» [13]. Тем самым особые выгоды предоставляются «политическим рантье», специализирующимся на превращении угроз и опасностей в выгодный политический и финансовый товар.

Что касается акторно-рефлексивных факторов, то они реже всего попадают в фокус внимания исследователей. Весьма очевидно, что нельзя оставить в стороне вопросы конструирования рефлексии риск-коммуникаций. Это особенно актуально в ситуациях блокировки критической рефлексивности угроз и опасностей, противостоящей в определенной мере риск-дискурсу власти. Как заметил Асват Дамодаран, «в силу того, что человеку свойственно помнить о потерях (негативной стороне риска) больше, чем о прибылях (положительной стороне риска), мы — легкая добыча для поставщиков продуктов для хеджирования рисков, особенно после стихийных бедствий, катаклизмов и рыночных кризисов» [14].

Осмысление данных проблем в работах в области восприятия риска с теоретико-методологических позиций «психометрической парадигмы» и «социального усиления риска» Пола Словича (Paul Slovic) [15], теории социокультурной жизнеспособности Аарона Вилдавски (Aaron Wildavsky) и Карла Дейка (Karl Dake) [16], «модели ожидаемой полезности» Пола Шумейкера (Paul Schoemaker) [17], теории перспектив Амоса Тверски и Даниэла Канемана [18], концепций «когнитивного шума» Винсента Ковелло (Vincent Covello) [19], ментальных моделей групповых представлений о рисках [20], теории Мэри Дуглас (Mary Douglas) об основных типах риск-культур [21] способствовало формированию предпосылок для изучения принятия политических решений и разработки стратегий через призму риск-рефлексий.

Однако и при корректном объединении эвристических возможностей этих конструкций неизбежно возникают проблемы, порождаемые столкновением изначальных индивидуальных сигналов об угрозах с актуальной политической повесткой, системой правил их интерпретации, сложившейся в публичном политическом

дискурсе, с политическим целеполаганием и замыслами правящих кругов [22], которые могут ослабить или усилить восприятие рисков.

Лауреат Нобелевской премии, французский экономист Морис Алле (Maurice Allais), анализируя ключевые параметры выбора в условиях риска, пояснял, что необходимо учитывать психологические факторы значимости для индивида возможности выигрыша (а не его величины), субъективную деформацию объективных вероятностей («люди, верящие в свою счастливую звезду, недооценивают вероятность неблагоприятных для них событий и переоценивают вероятность благоприятных. Обратное верно для людей, которые считают, что в жизни их преследуют неудачи»). Отсюда закономерен вывод экономиста о том, что выбор в условиях неопределенности связан с матрицей эмоционального (позитивного или негативного) восприятия риска и расчета, основанного на взвешивании удовлетворения. Социальный субъект «учитывает лишь те вероятности, которые он себе представляет, а не те, какие существуют в действительности... — можно играть в покер даже с гораздо более сильным соперником, если удовольствие от авантюрного хода, результаты которого отклоняются от среднего исхода, достаточно сильно, чтобы компенсировать вероятную потерю» [23, с. 222].

Подобные теоретические послышки более чем очевидны применительно к исследованию идентификации значимых социальных размежеваний («кливажей») между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами»; они позволяют раскрыть механизм применения властью или бизнесом авантюрно-рисковых стратегий достижения своих целей и показать связь этих стратегий с перекладыванием тяжести неудачного исхода на потребителей риска.

Выдающийся российский исследователь Олег Яницкий предложил в этой связи концепцию «критического случая» как иррационального социального порядка, состояния социального субъекта или ситуации, когда производство рисков как потеря (бедствий) является безраздельно господствующим способом социального производства, легитимации производства рисков, выгодой силам, находящимся за пределами критической зоны. «Логическим завершением «критического случая» является беспредел. В терминах концепции «общества риска» беспредел есть максимальный риск для риск-потребителей при минимальной ответственности для риск-производителей... Другими словами, беспредел есть максимальная ставка для некоторого социального субъекта (жизнь) в ситуации полной невозможности непосредственного ответа на угрозу (все ресурсы выживания в чужих руках). Беспредел — это социальное пространство, где невозможно жить, но откуда невозможно и убежать» [24, с. 95].

Мы уже отмечали, что «общий вопрос, который необходимо задать, заключается в адекватности рефлексии риска и определении того, является ли она непосредственной реакцией социальных акторов на угрозу или же представляет собой лишь навязанный властью дискурс, определяющий, что/кто и в какой степени опасно, кто именно подвергается риску, и в конечном счете подчиняющий своей модели все политические реакции на риск и определяющий приемлемые формы рискованного поведения» [25].

В условиях «порядка беспредела» ситуация дискурсивно конструируется, если пользоваться теорией Эрнесто Лаклау (Ernesto Laclau) и Шанталь Муфф (Chantal Mouffe), согласно которой «дискурс представляет собой реальную силу, которая

способствует формированию и конституированию социальных отношений», как матрица различных позиций, на которой социальные идентичности формируются как результат артикуляции практик рискованного поведения [26].

Кроме того, очевидно, что «беспредел» определяет антагонистический дискурс о риске, конфликт между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами», который в пределе требует радикального взаимного позиционирования их как «других», как врагов, как «низших» или «высших» [27].

Интересные иллюстрации на обширном и уникальном историческом материале можно почерпнуть в фундаментальном исследовании Владиславом Аксеновым эмоционального восприятия конфликтной и рискованной действительности российского общества в 1914–1918 гг. Показывая последовательность «слух — образ — эмоция — действие» в формировании «порядка беспредела» в России того времени, историк особо выделяет роль слухов об опасностях, способствующих «формированию искаженных образов, альтернативных официальной пропаганде картин внутренней ситуации в империи, что приводит к выраженному общественному недовольству, эмоциональным всплескам, аффективным действиям». Описывая постепенную иррационализацию пространства слухов, автор убедительно доказывает, что «слухами были переполнены как обывательские представления о власти, так и сама власть: вырабатывая политические стратегии, она нередко руководствовалась слухами... Формирование искаженных взаимных представлений усугубляло социально-психологическое состояние российского общества, нагнетало атмосферу враждебности, предопределяя распространение различных форм насилия в февральско-мартовские дни. Слух превращался в самостоятельный феномен предреволюционной ситуации, захватывая сознание представителей совершенно разных слоев населения, как образованных, так и нет, входящих в политические круги и рядовых обывателей» [28].

Изучая психоментальное пространство постреволюционного времени России, другой видный историк, Владимир Булдаков, обращает внимание на интересные стратегии агрессивного взаимодействия воображаемых и реальных рисков в сознании элит и низов. Он сформулировал их следующим образом: усиление остроты восприятия в массах, порождающее вовсе не адекватные, а скорее химерические представления, и выжидание власти, выстраивание своего имиджа. Исследователь заключает, что «в общем, это был “карнавал переодеваний” наверху и внизу — остается выяснить, кто и почему обманул другого, а затем обманул сам» [29].

В этой связи представляется теоретически значимым анализ механизма «самоисполняющихся пророчеств» в интерпретации Роберта Мертона (Robert Merton). Опираясь на «основную теорему социальных наук» Уильяма Айзека Томаса (William Isaac Thomas): «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям», — Мертон обращает внимание на ряд существенных для нашего исследования моментов. Во-первых, «люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также — и иногда преимущественно — на значение, которое эта ситуация имеет для них... их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением». Во-вторых, «самоисполняющееся пророчество — это изначально ложное определение ситуации, вызывающее новое поведение, которое делает изначально ложное представление истинным». И, наконец, «пророк неизбежно будет приводить действительное развитие событий в качестве подтверждения своей изначальной правоты» [30, с. 605–606].

«Риск-пророки», с одной стороны, обеспечивают успех социального конструирования риск-рефлексий политической легитимации принимаемых, в условиях или реальных, или вымышленных угроз и опасностей политических решений, а с другой — отвечают за бездействие и молчание, любое «обнаружение себя» в пространстве риска. Однако эти технологии формирования доверия/недоверия, веры/отрицания в рациональность/иррациональность рискового поведения, в значимость существующих форм управления рисками, выстраиваемые риск-производителями, могут привести к отложенной реакции постепенного соскальзывания к формированию, в том числе и на экзистенциальном уровне, «порядка беспредела».

Даниэль Канеман и Амос Тверски отмечают, что большинство информации, под воздействием которой находятся люди, обеспечивает искаженные картины мира рисков, к наиболее распространенным из которых относятся *«It won't happen to me»* (люди рассматривают самих себя как обладающих личным иммунитетом от риска) и *«Out of sight, out of mind»* (неспособны оценить пределы «имеющихся в наличии» данных, что успокаивает самодовольство людей) [31].

Теоретически значимыми при изучении риск-рефлексивных стратегий являются сформулированные Петром Штомпкой (Piotr Sztompka) четыре типичные позиции, которые люди занимают перед лицом усилившегося риска и нестабильности:

1. *«Мне по горло хватает своих проблем»* — прагматическое принятие жизни такой, какая она есть, «вытеснение» из своего сознания мысли о грозящих опасностях за счет сосредоточения внимания на решении повседневных проблем.

2. *«Всегда найдется какой-нибудь выход»* — последовательный оптимизм и вера в то, что опасности и нестабильность рассеются, исчезнут по воле Провидения, в силу счастливо сложившейся судьбы, благодаря врожденному здравому смыслу людей.

3. *«Раз и так всем нам предстоит погибнуть, то, по крайней мере, пока живем, возьмем от жизни все, что можно, все ее радости»* — это циничный пессимизм, стремление жить одним текущим сегодняшним днем, предельно насыщаться гедонистическими удовольствиями, поскольку «сокращение временного горизонта» и уменьшение объема «отпущенного нам» времени предопределены неизбежностью превращения в реальность существующих угроз.

4. *«Все вместе, общими усилиями, мы можем отвести эту беду, противостоять этим угрозам»* — радикальная борьба с источниками грозящих бед посредством мобилизации общественного мнения, организации пропагандистских кампаний, формирования социальных движений [32].

Полагаем, что к этим основополагающим позициям необходимо добавить еще одну черту — социально приемлемый уровень риска для субъекта, детерминируемый его опытом и культурой.

В этом плане особую сложность демонстрирует переплетение этических, психологических или идеологических факторов в оценке рациональности решений в условиях риска — критерии рациональности можно постулировать достаточно легко, но им за пределами казино или круга умников никто не будет следовать [33].

Весьма обоснованными в связи с этим представляются выводы, которые делает Энтони Гидденс (Anthony Giddens): «Большая часть оценки риска происходит на уровне практического сознания, и защитный кокон базового доверия блокирует

большинство потенциально тревожных событий, которые могут повлиять на жизненные обстоятельства человека» [34].

Мэри Дуглас ставит вопрос: почему те или иные риски выбираются одними индивидами или сообществами, но игнорируются другими? От чего зависит оценка индивидами уровня серьезности риска и чем определяется их выбор поведенческих стратегий?

Для политической конфликтологии важным представляется объяснение отсутствия согласия между различными группами населения относительно рисков [35]. Следует добавить, что конфликт является сложной системой с плохо предсказуемым поведением сторон, каждая из которых готова рисковать, учитывая принцип допустимого риска, при котором можно оценить вероятность выигрыша, исходя из формулы «больше риска — больше вероятность успеха».

Риск-рефлексии можно представить как сложные и подвижные конфигурации оценки и классификации угроз, закрепленные посредством обобщения динамики взаимосвязей в матрице, которую российский философ Владимир Диев обозначил как совокупность «субъект — решение — вероятность — потери» [36].

Анализируя риск-рефлексии, процессы принятия социальным субъектом решений, оценки вероятности возможных событий, выбора альтернатив и меры (эквивалента) оценки риска и цены потерь целесообразно рассматривать, используя мысль Бруно Латура (Bruno Latour), с точки зрения «способности каждого актора побудить других акторов делать неожиданные вещи» [37, с. 181]. В этом смысле особенно важно понять, что в конфликтном взаимодействии риск-рефлексии — это и способ навязать другой стороне конфликта желаемое видение ситуации относительно возможных вариантов исхода, получения дополнительных дивидендов в условиях противодействия, сохранив при этом собственную устойчивость.

В конечном счете субъекты рефлексивно-управляемого риска формируют контуры риск-представлений, риск-оценок и риск-предпочтений не только и не столько в результате собственных наблюдений, но и главным образом под воздействием представлений, оценок, ожиданий и предпочтений других субъектов [38].

Необходимо учитывать и то, что конструкции, практики и специфические способы проявления и способы, аттестующие риск-рефлексии, определяются, если использовать подход Петра Штомпки, «как тем, что люди в данном обществе действительно думают и верят (в своем индивидуальном или коллективном сознании), так и тем, какие идеологические структуры (идеологии, вероисповедания, традиции, внедренные в общественное сознание) заставляют их думать и верить» [39, с. 279].

В иерархии риск-рефлексий формируются конфликтные диспозиции господствующих и подчиненных дискурсов, в которых демонстрируются доминирование, асимметричность во взаимно обязывающих отношениях риск-бенефициаров и риск-аутсайдеров, их позиций и интересов в ситуации угроз и опасностей. Эта асимметрия порождает феномен «сдвига к риску» («risky shift»). Данным концептом обычно аттестуют более рискованное, по сравнению с индивидуальным, групповое поведение [40].

Согласно данной концепции, в группе (социальной общности) рискованный образ действий будет вероятен, поскольку у индивидов существует ощущение, что они несут меньшую личную ответственность за негативные последствия (в рус-



ском варианте — «на миру и смерть красна»), в ходе внесения вклада в групповое решение человеку легче спрятаться внутри группы — он может больше рисковать, потому что чувствует, что его с меньшей вероятностью обвинят. Принятие риска само по себе является культурной ценностью, и если в обществе ценят риск, то за счет рискованного поведения индивид повышает свой социальный статус [41].

Применяя к исследованию риск-рефлексий теорию «фальсификации предпочтений» Тимура Курана (Timur Kuran), можно предположить, что социальные субъекты при выборе альтернатив в ситуации неопределенности адаптируют свой выбор к социально приемлемому варианту, т. е. выбирают такую стратегию рискованного поведения, которая отличается от их реальных устремлений, поддерживая социальные варианты, которые были бы решительно отвергнуты при свободном индивидуальном выборе.

Выбор же публичных предпочтений выгод и издержек зависит от выбора, который делают другие, от взаимозависимостей между различными решениями в условиях риска. В процессе фальсификации предпочтений знания о рисках «скрываются, искажаются, игнорируются, коррумпируются и обедняются».

Другими словами, у субъекта есть риск-рефлексии, которыми он делится с другими, и риск-рефлексии, которые предпочитает держать при себе. Следуя этой логике, если эти риск-рефлексии различаются, это значит, что человек занимается «фальсификацией восприятия риска». На словах утверждают, что «все в порядке», «угрозы не страшны», «риски под контролем», пока не будет достигнут «порог возмущения», и тогда начавшийся процесс дестабилизации станет неожиданностью для всех [42].

«Фальсификация восприятия риска» позволяет риск-бенефициарам конструировать риск-рефлексии и поведение риск-аутсайдеров, либо принуждая к поощряемым формам рискованной деятельности, либо запрещая неприемлемые для них ее формы. По сути, в этом контексте восприятие риска «лишается рефлексивности», у субъекта исчезает обратная связь с самостоятельной оценкой перспектив выигрыша/проигрыша, последствий для себя и окружающих, ответственности за последствия рискованного действия.

Здесь можно выделить два подхода. Первый из них предполагает, что риск-потребители безусловно верят риск-производителям и воспринимают сообщаемую им информацию об угрозах как истинную, независимо от своего индивидуального восприятия опасностей. Тогда риск-производители могут формировать различные рефлексивные структуры как формы идеального замещения реальности риска, оправдывающие саму систему производства рисков, готовности риск-потребителей «стойко переносить все тяготы и лишения».

Второй подход заключается в том, что риск-производители лишь снижают для риск-потребителей уровень неопределенности, сокращая тем самым восприятие степени опасности.

Стратегии программирования риск-рефлексий доминирующими риск-производителями для продвижения своих интересов можно описать с помощью теоретической модели Ричарда Бэндлера (Richard Bandler) и Джона Гриндера (John Grinder), в которой выделены следующие механизмы социального конструирования «скудной и выхолощенной модели» мира [43]:

Обобщение — процесс отрыва индивидуальных моделей восприятия риска от исходного опыта рискованного поведения. Суть в том, что одно и то же правило по-

ведения в ситуации угрозы, в зависимости от политического, социального и исторического контекста и времени, может быть полезным или, напротив, вредным. Соотнесенность с прошлым опытом политически селективно определяется риск-производителями принудительного регулирования рисков в разных сферах социума.

Вычеркивание — процесс, позволяющий избирательно обращать внимание на одни риски и угрозы в социальном опыте, исключая рассмотрение других. Вычеркивание «оптически» уменьшает восприятие рисков до тех параметров, с которыми, по нашим ощущениям, мы можем справиться.

Искажение — процесс, позволяющий определенным образом смещать восприятие данных об угрозах и опасностях. Например, политические и социальные вымыслы, продуцируемые риск-бенефициарами, позволяют нам подготовиться к событию, могущему произойти до того, как оно произойдет. Обобщения или ожидания человека отфильтровывают и искажают его опыт, чтобы сделать его совместимым с этими ожиданиями. Это позволяет интерпретировать ситуацию угрозы таким образом, что интересы риск-бенефициаров и риск-аутсайдеров приводятся к общему знаменателю, при котором урон, понесенный потребителем риска в связи с принятием рискованных решений, будет представлен как минимальный, а достижение политической цели любой ценой становится самостоятельным фактором, оторванным от реальных опасностей.

Понятие риска, войдя в политику, изменило свой смысл, утратило свою нейтральность, став своеобразным политическим детонатором: «то, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой» [44].

Как писала Мэри Дуглас, «точка опоры перемен — это дебаты об ответственности, которые постоянно ведутся в любом сообществе... В то время как изначально высокий риск означал игру, в которой совершенный бросок кости, скорее всего, принесет большую боль или большой убыток, теперь риск связывается только с отрицательным результатом. Слово было вытеснено, чтобы означать “плохие” риски. Обещание хороших вещей в современном политическом дискурсе происходит в других выражениях. Язык риска зарезервирован как специализированный лексический регистр для политических разговоров о нежелательных последствиях. Риск используется для ответного удара против злоупотребления властью. Обвинение в создании риска — это палка, чтобы бить власть, чтобы взбодрить ленивых бюрократов, чтобы взыскать компенсацию для жертв» [45, с. 3–4].

Наряду с этим все отчетливее прослеживается тренд на склонность риск-производителей к чрезмерной уверенности, псевдоуверенности и лихорадочным действиям, отражающим асимметричную конструкцию риск-рефлексий.

В этом плане, обсуждая вертикальную и асимметричную конфигурацию отношений риск-бенефициаров и риск-аутсайдеров, нельзя не обратить внимания на представленные в уже цитированном выше исследовании Даниэля Канемана и Амоса Тверски предпосылки и условия «управленческих провалов» риск-менеджмента.

«Пути, ведущие к катастрофе», авторы классифицируют так:

— неспособность определить, как человеческие ошибки сказываются на политической и экономической системах;

— самоуверенность в собственных способностях к предвидению угроз и умения выбрать оптимальные стратегии в ситуации риска;

- неспособность оценить, как социально-политические функции в целом работают в «обществе риска»;
- задержки выявления хронических, кумулятивных эффектов рисков;
- непредугадывание реакции социума на меры безопасности;
- неспособность предвидеть наиболее распространенные ошибки, которые одновременно поражают системы, разработанные таким образом, чтобы быть независимыми [46].

В этом аспекте в качестве одного из индикаторов деятельности риск-бенефициаров можно рассматривать так называемую «доктринную несостоятельность» риск-рефлексивности, когда важные факты в анализе и оценке угроз подменяются идеологическими и политическими атрибутами. При этом для производителей риска зачастую главным риском является «риск игрока в “русскую рулетку”»: неотыгрываемый окончательный проигрыш» [47].

В этой ситуации риску подвергается все общество, так как, реагируя на восприятие рисков большинством, направленное в политическом менеджменте на максимизацию популярности, оно оказывается вне зоны эффективных решений по управлению угрозами [48].

Парадокс плохого с точки зрения эффективности риск-менеджмента управления заключается в том, что оно дорого обходится обществу, деформируя стабилизирующие механизмы, но, тем не менее, привлекательно и политически удобно [49].

Такое политическое маневрирование в подпространстве риска и стремление к избеганию их обсуждения, упрощение восприятия угроз, обусловленное ориентацией на чисто тактические цели, монополизация властью права на информацию о рисках обнуляет эффективность политических действий по устранению угроз.

Ситуация риска «порождает многочисленные предварительные зондирования, согласования и другие “страховочные” процедуры, затягивающие принятие решений и ограничивающие их действенность» [50].

Используя подход Александра Рубинштейна, предложившего оригинальную типологию управленческих провалов [51], можно выделить институциональные, распределительные (неприемлемое распределение рисков), поведенческие (иррациональное поведение граждан в ситуациях неопределенности, угроз и опасностей) и патерналистские (нерациональное поведение чиновников в ситуации риска) провалы. Результат этих провалов — преобладание (и в обществе в целом, и у наиболее уязвимых групп в частности) стратегий, основанных на низком уровне риск-солидарности и недоверии политическим институтам («здоровое» и «деструктивное» общество риска).

Таким образом, одной из ключевых задач в «обществе риска» стоит полагать создание поливариантного пакета стратегий политического риск-менеджмента в условиях неопределенности, случайности, изменчивости, многозначности на основе сложных моделей рефлексивного управления, предусматривающих самообучение, адаптацию систем, формирование и переформирование иерархии подлежащих контролю объектов.

## Литература

1. Бехманн, Г. (2010), *Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний*, М.: Логос.

2. Kahneman, D., Slovic, P. and Tversky, A. (eds) (2001), *Judgment under Uncertainty: Heuristics and biases*, Cambridge: Cambridge University Press.
3. Новосельцев, В. И. (ред.) (2016), *Риск и рефлексия*, М.: Горячая линия — Телеком.
4. Бехманн, Г. (2010), *Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний*, М.: Логос.
5. Грякалов, Н. А. (2007), *Фигуры террора*, СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
6. Рягин, Ю. И. (2012), *Формула риска*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
7. Damodaran, A. (2007), *Strategic risk taking: A framework for risk management*, Philadelphia: Wharton School Publishing.
8. Дука, А. В. (2015), Вариантность социологии элит, *Журнал социологии и социальной антропологии*, № 4 (81), с. 5–23.
9. North, D. C., Wallis, J. J. and Weingast, B. R. (2009), *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575839>
10. Фишман, Л. Г., Мартъянов, В. С. и Давыдов, Д. А. (2019), *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*, М.: Изд. дом Высш. шк. экономики.
11. Бурдье, П. (1993), *Социология политики*, М.: Socio-Logos.
12. Мадьяр, Б. (2016), *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии*, М.: Новое литературное обозрение.
13. Васильева, Л. Н. (2014), *Элитологическая онтология*, М.: Социум.
14. Damodaran, A. (2007), *Strategic risk taking: A framework for risk management*, Philadelphia: Wharton School Publishing.
15. Slovic, P. (2000), *The perception of risk*, London: Routledge.
16. Dake, K. (1992), Myths of nature: Culture and the social construction of risk, *Journal of Social Issues*, vol. 48, no. 4, pp. 21–37.
17. Schoemaker, P. (1982), The expected utility Model: Its variants, purposes, evidence and limitations, *Journal of Economic Literature*, no. 2, pp. 529–563.
18. Kahneman, D. and Tversky, A. (1979), Prospect theory: An analysis of decision under risk, *Econometrica*, vol. 47, no. 2, pp. 263–291.
19. Covello, V. T. (2003), Best practices in public health risk and crisis communication, *Journal of Health Communication*, vol. 8, pp. 5–8.
20. Morgan, M. G., Fischhoff, B., Bostrom, A. and Atman, C. J. (2002), *Risk communication: A mental models approach*, Cambridge: Cambridge University Press.
21. Douglas, M. (1992), *Risk and blame. Essays in cultural theory*, New York: Routledge.
22. Соловьев, А. И. (2019), Политическая повестка правительства или зачем государству общество, *Политические исследования*, № 4, с. 8–25.
23. Алле, М. (1994), Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы, *Thesis*, № 5, с. 217–241.
24. Яницкий, О. Н. (2002), «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска». *Социологическое обозрение*, т. 2, № 2, с. 86–99.
25. Aleinikov, A. V., Sunami, A. N. and Shiraev, E. (2021), Risk studies at St Petersburg State University: From tradition to new challenges, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, iss. 4, pp. 657–671.
26. Laclau, E. and Mouffe, C. (1985), *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*, London: Verso.
27. Carpentier, N. (2017), *The discursive-material knot: Cyprus in conflict and community media participation*, New York: Peter Lang.
28. Аксенов, В. Б. (2020), *Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)*, М.: Новое литературное обозрение.
29. Булдаков, В. П. (2012), *Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг.*, М.: РОССПЭН.
30. Мергтон, Р. (2006), *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ.
31. Kahneman, D., Slovic, P. and Tversky, A. (eds) (2001), *Judgment under Uncertainty: Heuristics and biases*, Cambridge: Cambridge University Press.
32. Штомпка, П. (2008), *Социология. Анализ современного общества*, М.: Логос.
33. Рапопорт, А. (2002), Что такое рациональность? *Рефлексивные процессы и управление*, т. 2, № 2, с. 23–47.

34. Гидденс, Э. (1994), Судьба, риск и безопасность, *Thesis*, № 5, с. 107–134.
35. Adams, J. (1995), *Risk*, London: UCL Press.
36. Диев, В. С. (2019), Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте, *Сибирский философский журнал*, т. 17, № 4, с. 41–52.
37. Латур, Б. (2014), *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*, М.: Изд. дом Высш. шк. экономики.
38. Новиков, Д. А. (ред.) (2008), *Модели управления конфликтами и рисками*, Воронеж: Научная книга.
39. Штомпка, П. (1996), *Социология социальных изменений*, М.: Аспект Пресс.
40. Blascovich, J. and Ginsburg, G. (1978), Conceptual analysis of risk-taking in «Risky-Shift» research, *Journal for the Theory of Social Behavior*, vol. 8 (2), pp. 217–230.
41. Forsyth, D. R. (2019), *Group Dynamic*, Belmont: Wadsworth Cengage Learning.
42. Kuran, T. (1995), *Private truths, public lies: The social consequences of preference falsification*, Cambridge: Harvard University Press.
43. Бэндлер, Р. и Гриндер, Дж. (2017), *Структура магии*, М.: АСТ.
44. Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage Publ.
45. Douglas, M. (1990), Risk as a Forensic Resource, *Daedalus*, vol. 119, no. 4, pp. 1–16.
46. Kahneman, D., Slovic, P. and Tversky, A. (eds) (2001), *Judgment under Uncertainty: Heuristics and biases*, Cambridge: Cambridge University Press.
47. Павловский, Г. (2019), *Ироническая империя. Риск, шанс и догмы Системы РФ*, М.: Европа.
48. Рубинштейн, А. Я. и Городецкий, А. Е. (2018), Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ, *Журнал институциональных исследований*, № 4, с. 38–57.
49. Baland, J.-M., Moene, K. and Robinson, J. (2010), Governance and Development, *Handbook of Development Economics*, vol. 5, pp. 4656–4597.
50. Радыгин, А. и Энтов, Р. (2012), «Провалы государства»: теория и политика, *Вопросы экономики*, № 12, с. 4–30.
51. Рубинштейн, А. Я. (2017), Элементы общей теории изъятий смешанной экономики, *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 1, с. 71–102.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2022 г.;  
рекомендована к печати 17 июня 2022 г.

Контактная информация:

Алейников Андрей Викторович — д-р филос. наук, проф.; a.alejnikov@spbu.ru  
Сунами Артем Николаевич — канд. полит. наук, доц.; a.sunami@spbu.ru

## Risk-reflections design factors: Conflict lines of cleavages\*

A. V. Aleinikov, A. N. Sunami

St Petersburg State University,  
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

**For citation:** Aleinikov A. V., Sunami A. N. Risk-reflections design factors: Conflict lines of cleavages. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 3, pp. 382–396. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.310> (In Russian)

The article examines the problem of risk reflections design based on the interpretation of risks and threats as a way of social order legitimization. Authors analyze the “cleavage” nature (in the terminology of Lipset — Rokkan approach) of the consequences of these designing. Using Paul Slovic “psychometric paradigm”, theory of “sociocultural viability” by Aaron Wildavsky and Karl Dake, Paul Schoemaker expected utility model, prospect theory by Amos Tversky and Daniel Kahneman, Vincent Covello “mental noise” approach and Mary Douglas works on main risk cultural types, the authors suggest that, despite their heuristic capacity all these

\* The research was funded by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00115 “Risk-reflections in modern Russian conflict management strategies”.

approaches, modeling of probable risk reflections is impossible without examination of the current political agenda, formal and informal practices of interpreting dangers and threats in public political discourse, as well as political goal-setting and elites intentions. These elements can weaken/strengthen, shift/replace risk reflections, which is critical for identifying key social polarizations (“cleavages”) between “risk beneficiaries” and “risk outsiders”. In this context, the article focuses to “administrative” failures in political risk management, the victim of which is often the whole society, but not just those who were originally nominated as consumers of risk. On the basis of the identified structural, actor-oriented and institutional factors of risk decision-making and the strategies for programming risk reflections by dominant risk producers, the authors conclude that errors in the design of risk reflections generate risk-anomie in the most vulnerable groups of the population.

*Keywords:* risk, risk reflection, risk theories, conflict, cleavage, political risk-management, risk-anomie, risk-solidarity.

## References

1. Bechmann, G. (2010), *Modern society: risk society, information society, knowledge society*, Moscow: Logos Publ. (In Russian)
2. Kahneman, D., Slovic, P. and Tversky, A. (eds) (2001), *Judgment under Uncertainty: Heuristics and biases*, Cambridge: Cambridge University Press.
3. Novoseltsev, V.I. (ed.) (2016), *Risk and reflection*, Moscow: Goriachaia liniia — Telekom Publ. (In Russian)
4. Bechmann, G. (2010), *Modern society: risk society, information society, knowledge society*, Moscow: Logos Publ. (In Russian)
5. Gryakalov, N. A. (2007), *The figures of terror*, St Petersburg: St Petersburg University Publ. (In Russian)
6. Ryagin, Yu. I. (2012), *Risk formula*, Ekaterinburg: Ural University Publ. (In Russian)
7. Damodaran, A. (2007), *Strategic risk taking: A framework for risk management*, Philadelphia: Wharton School Publishing.
8. Duka, A. (2015), Varieties in the Sociology of Elites, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 4 (81), pp. 5–23. (In Russian)
9. North, D. C., Wallis, J. J. and Weingast, B. R. (2009), *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575839>
10. Fishman, L., Martianov, V. and Davydov, D. (2019), *Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy*, Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
11. Bourdieu, P. (1993), *The sociology of policy*, Moscow: Socio-Logos Publ. (In Russian)
12. Magyar, B. (2016), *The anatomy of post-communist mafia state. On the example of Hungary*, Moscow: NLO Publ. (In Russian)
13. Vailieva, L. (2014), *Elitologic ontology*, Moscow: Sotsium Publ. (In Russian)
14. Damodaran, A. (2007), *Strategic risk taking: A framework for risk management*, Philadelphia: Wharton School Publishing.
15. Slovic, P. (2000), *The perception of risk*, London: Routledge.
16. Dake, K. (1992), Myths of nature: Culture and the social construction of risk, *Journal of Social Issues*, vol. 48, no. 4, pp. 21–37.
17. Schoemaker, P. (1982), The expected utility model: Its variants, purposes, evidence and limitations, *Journal of Economic Literature*, no. 2, pp. 529–563.
18. Kahneman, D. and Tversky, A. (1979), Prospect theory: An analysis of decision under risk, *Econometrica*, vol. 47, no. 2, pp. 263–291.
19. Covello, V.T. (2003), Best practices in public health risk and crisis communication, *Journal of Health Communication*, vol. 8, pp. 5–8.
20. Morgan, M. G., Fischhoff, B., Bostrom, A. and Atman, C.J. (2002), *Risk communication: A mental models approach*, Cambridge: Cambridge University Press.
21. Douglas, M. (1992), *Risk and blame. Essays in cultural theory*, New York: Routledge.
22. Solovyov, A. (2019), Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 8–25. (In Russian)

23. Allais, M. (1994), Behavior of a rational person under risk: A critique of the postulates and axioms of the American school, *Thesis*, vol. 5, pp. 217–241. (In Russian)
24. Yanitskiy, O.N. (2002), The “critical case”: Social order in the “Risk society”, *Russian Sociological Review*, vol. 2, no. 2, pp. 86–99.
25. Aleinikov, A. V., Sunami, A. N. and Shiraev, E. (2021), Risk studies at St Petersburg State University: From tradition to new challenges, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, no. 4, pp. 657–671.
26. Laclau, E. and Mouffe, C. (1985), *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*, London: Verso.
27. Carpentier, N. (2017), *The discursive-material knot: Cyprus in conflict and community media participation*, New York: Peter Lang.
28. Aksenov, V.B. (2020), *Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the war and revolution (1914–1918)*, Moscow: NLO Publ. (In Russian)
29. Buldakov, V.P. (2012), *Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of the post-revolutionary time. Russia, 1920–1930*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
30. Merton, R. (2006), *Social Theory and Social Structure*, Moscow: AST Publ. (In Russian)
31. Kahneman, D., Slovic, P. and Tversky, A. (eds) (2001), *Judgment under Uncertainty: Heuristics and biases*, Cambridge: Cambridge University Press.
32. Sztompka, P. (2008), *Sociology. Analysis of modern society*, Moscow: Logos Publ. (In Russian)
33. Rapoport, A. (2002), What Is Rationality? *Reflexive Processes and Control*, vol. 2, pp. 23–47. (In Russian)
34. Giddens, A. (1994), Fate, Risk and Security, *Thesis*, vol. 5, pp. 107–134. (In Russian)
35. Adams, J. (1995), *Risk*, London: UCL Press.
36. Diev, V.S. (2019), Uncertainty, risk and decision-making in an interdisciplinary context, *Siberian Journal of Philosophy*, vol. 17 (4), pp. 41–52. (In Russian)
37. Latour B. (2014), *Reassembling the social. An introduction to Actor-Network-Theory*, Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
38. Novikov, D. A. (ed.) (2008), *Models of conflict and risk management*, Voronezh: Nauchnaia kniga Publ. (In Russian)
39. Sztompka, P. (1996), *Sociology of social change*, Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)
40. Blascovich, J. and Ginsburg, G. (1978), Conceptual analysis of risk-taking in “Risky-Shift” research, *Journal for the Theory of Social Behavior*, vol. 8 (2), pp. 217–230.
41. Forsyth, D. R. (2019), *Group Dynamic*, Belmont: Wadsworth Cengage Learning.
42. Kuran, T. (1995), *Private truths, public lies: The social consequences of preference falsification*, Cambridge: Harvard University Press.
43. Bandler, R. and Grinder, J. (2017), *The Structure of Magic*, Moscow: AST Publ. (In Russian)
44. Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage Publ.
45. Douglas, M. (1990), Risk as a Forensic Resource, *Daedalus*, vol. 119, no. 4, pp. 1–16.
46. Kahneman, D., Slovic, P. and Tversky, A. (eds) (2001), *Judgment under Uncertainty: Heuristics and biases*, Cambridge: Cambridge University Press.
47. Pavlovsky, G. (2019), *Ironic Empire. The risk, the chance, and the dogmas of the Russian Federation system*, Moscow: Evropa Publ. (In Russian)
48. Rubinshtein, A. and Gorodetsky, A. (2018), State paternalism and paternalist failure in the theory of patronised goods, *Journal of Institutional Studies*, no. 4, pp. 38–57. (In Russian)
49. Baland, J.-M., Moene, K. and Robinson, J. (2010), Governance and Development, *Handbook of Development Economics*, vol. 5, pp. 4656–4597.
50. Radygin, A. and Entov, R. (2012), Government Failures: Theory and Policy, *Voprosy Ekonomiki*, vol. 12, pp. 4–30. (In Russian)
51. Rubinstein, A. (2017), Elements of the General Theory of the Mixed Economy Defects, *Public Administration Issues*, no. 1, pp. 71–102. (In Russian)

Received: March 1, 2022

Accepted: June 17, 2022

#### Authors' information:

Andrei V. Aleinikov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; a.aleinikov@spbu.ru

Artem N. Sunami — PhD in Political Sciences, Associate Professor; a.sunami@spbu.ru